

© 2003 г. М.К. САБАНЕЕВА

РОМАНСКИЕ ПРОТОАРТИКЛИ В НЕДРАХ ЛАТЫНИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ГЕНЕЗИСА

В романистике широко распространено мнение, согласно которому определенный артикль возник раньше, чем неопределенный. Бóльшей частью это положение постулируется как нечто само собой разумеющееся, общеизвестное и не нуждающееся в аргументации. Так, например, Ф. Брюно в заслуженно знаменитой *Истории французского языка* [Brunot 1905. 194–195, 427–428] в разделах, посвященных артиклю старофранцузского и среднефранцузского периодов, уделяет внимание только формам определенного артикля, в то время как формы неопределенного даже не упоминаются. Неопределенный артикль включается в сферу внимания автора лишь в разделе, посвященном языку XVI века [Brunot 1906. 392–393].

Г. Гийом подчеркивает, что историческая последовательность становления категории артикля противоположна последовательности 'психических механизмов' в сложившейся системе артикля [Guillaume 1969. 161]. Поскольку, по Г. Гийому, психический механизм в системе артиклей заключается в первичности выделения предмета из класса (функция *in*) и вторичности представления предмета вне класса (функция *le*), ученый принимает как данность традиционное представление об исторической последовательности появления артиклей: 1) *le*, 2) *un*.

Представление о генетически более раннем возникновении романского определенного артикля отражено в целом ряде как научных работ, так и учебников [Alonso 1967. 126, Скрелина 1971. 74, Шигаревская 1974. 86].

Показательно в связи с этим высказывание в одной из последних отечественных работ, посвященных теории артикля: "Происхождение и история артикля не вызывают особых сомнений" [Боронникова, Левицкий 1999. 7–8].

В редких случаях аргументации положения об опережающем развитии определенного артикля приводятся количественные данные, убедительно свидетельствующие в самом деле о значительно бóльшей употребительности в старофранцузском языке определенного артикля, нежели неопределенного [Ройзенблит 1954. 14, 21].

Однако всегда ли бóльшая функциональная нагрузка одного из членов оппозиции должна с неизбежностью свидетельствовать о его исторической первичности? Если обратиться к латинским истокам романских артиклей, то традиционная точка зрения представляется не бесспорной.

Прежде чем приступить к анализу фактического материала обследованных латинских памятников надлежит установить критерии, по которым можно было бы фиксировать переход от указательного местоимения к определенному артиклю, а от числительного в значении "один" – к неопределенному артиклю.

Трудность состоит в том, что в позднелатинских памятниках усеченные формы указательного местоимения *ille*, как правило, не встречаются, а лексема *unus* во всех своих употреблениях сохраняет формальное тождество с числительным. Таким образом, формальные критерии принадлежности *ille* и *unus* к протоартиклам отсутствуют. Это означает, что только содержательные признаки могут быть показателями зарождения артиклевого значения.

Нередко грамматическое значение романских артиклей рассматривается как лишь ослабление исконного значения указательного местоимения *ille*, с одной стороны, и числительного *unus* – с другой [Доца 1956 323, Menendez Pidal 1977 259, Rohlf 1968 99].

Иную точку зрения отстаивает М А Бородина, утверждая, что речь должна идти не об ослаблении, а о существенном изменении значения соответствующих языковых единиц. Автор не уточняет при этом, в чем состоит новое содержательное качество возникшей категории артикля [Бородина 1965 92].

Поскольку формальные критерии появления у *ille* или *unus* протоартиклевых функций практически отсутствуют в латинских текстах, только отличительные содержательные признаки, проявляющиеся в функционировании, могут служить показателем зарождения протоартиклей. Отсюда необходимость, прежде всего, принятия критериев, противопоставляющих определенный артикль указательному детерминативу имени, а неопределенный артикль – числительному.

Можно говорить о возникновении функции определенного протоартикля у формы *ille* только в таких контекстах, которые исключают использование указательного местоимения. По мысли Г Гийома, определенный артикль означает, что представление о предмете создается в сознании раньше, чем сама реальность речи [Guillaume 1919 13]. Ф Корблен и Ж Клайбер показали, что только при отрыве от дейксиса и прямой анафоры реализуется специфическое артиклевое значение определенности [Corblin 1983 118–134, Kleiber 1990 155–176]. Подобная ситуация имеет место при ассоциативной анафоре, проявляющейся в примерах следующего типа *Nous arrivâmes dans un village* *L'(*cette) église était fermée* ‘Мы приехали в деревню. Церковь была закрыта’, *La voiture s'arrêta* *L'(*cette) aile avant était cabossée* ‘Машина остановилась. Переднее крыло было помято’, *Pierre se coupa du pain, puis rangea le (*ce) couteau* ‘Пьер отрезал себе хлеба, потом положил на него нож’. Итак, определенный артикль означает, что, по мысли субъекта речи, ситуативно индивидуализированное представление о предмете сформировалось у адресата речи еще до того, как предмет был назван, потому что он включен в круг естественных ассоциаций, вызываемых предшествующим контекстом.

Входила ли ассоциативная анафора в функциональный диапазон латинского *ille*? Анализ позднелатинских памятников позволил обнаружить две функции примененного *ille*. Первая представляет собой анафору при повторном употреблении имени существительного или при кореферентном употреблении какого либо иного имени. Например

1) *Qui audivit verba mea haec et facit ea, similis est viro sapienti, qui aedificavit domum suam supra petram. Descendit pluvia advenerunt flumina et offenderunt in domum illam, et non cecidit* (Itala, Matth , 7, 24–25) ‘Кто услышал эти слова мои и исполняет их, подобен мудрому мужу, который построил дом свой на камне. Низвергся дождь, затопили потоки и повредили этот дом, а он не рухнул’.

2) *Gunthchramnus vero dux adventit Avennione. Proveriderat enim Mummolus postquam in tra murus urbis illius est ingressus, ut locus ille totus muneretur* (Gr Tur , VI, 26) ‘Военачальник же Гунтхрэмн подошел к Авиньону. Но Муммол, после того, как он вошел в черту этого города, позаботился, чтобы все это место было укреплено’.

Подобное анафорическое употребление примененного указательного местоимения *ille* вовсе не является отличительной чертой позднелатинского периода. Оно было вполне обычно еще в архаической латыни. Например

3) *Savium speculo dedit. Nimis velim lapidem qui ego illi speculo diminuat caput* (Pl , Most , 265–266) ‘Она поцеловала зеркало. Я очень хотел бы иметь камень, который раскроил бы голову этому зеркалу’.

4) *Erat erus Athenis mihi adulescens optumus. Is amabat meretricem. Et illa illum. Interibi hic miles forte Athenas adventit. Insinuat sese ad illam amicam eri* (Pl M glor , 99–105) ‘Был у меня в Афинах хозяином прекрасный юноша. Он любил куртизанку. А

она – его Тем временем приезжает случайно в Афины этот воин Он втирается в доверие к этой подруге хозяйина'

Точно так же *ille* могло функционировать и в классической латыни

5) *Cum te Praeneste occupaturum nocturno impetu esse confideres, sensistine illam coloniam meo iussu, meis praesidis esse munitam?* (Cic In L Cat Or prima, III, 8) 'Когда ты надеялся, что Пренесте будет занят в результате ночного нападения, подумал ли ты, что эта колония укреплена по моему приказу моими гарнизонами?'

Во все периоды истории латинского языка не только *ille*, но и другие указательные местоимения в качестве приименных определений могут употребляться анафорически Например

6) *Plurimum audaciae in pericula capessenda, plurimum consilii inter ipsa pericula* (Т L , Ab u с XXI, IV) 'Больше всего смелости перед тем как устремиться навстречу опасности, больше всего благоразумия в самой этой опасности'

7) *Ibi primum insuevit exercitus populi Romani sacra profanaque omnia polluere Igitur et milites nihil reliqui victis fecere* (Sall , С С , XI) 'Там впервые приучилось войско римского народа все как священное, так и светское осквернять Итак эти воины ничего не оставили побежденным'

Точно так же в романских языках, как известно, указательные местоимения в приименном употреблении и специализированные указательные детерминативы французского языка весьма широко употребительны в анафорической функции Например

8) *Le prestige de Jacques n'en pâtit pas j'écoutais bouche bée ce petit garçon* (S de V Mémoires , 62) 'Престиж Жака от этого не пострадал я слушала, разинув рот, этого маленького мальчика'

9) *A través de la cortina entreabierta, entraba la divina claridad lunar aquella insignificante luz* (Gisbert, Los espejos 64) 'Сквозь приоткрытую занавеску вливалось божественное лунное сияние этот слабый свет'

10) *Mai un albero mai una goccia d'acqua sole e polverone All'intorno delle vetture, ch'ise appunto per quel sole e quel polverone* (Lampedusa, Il gatt , 37) 'Больше ни дерева, ни капли воды солнце и пыль Вокруг экипажей, закрытых как раз для этого солнца и этой пыли,

Все приведенные примеры убеждают в том, что анафоричность является неотъемлемой типичной функцией действительных слов и что, следовательно, частые анафорические употребления указательных приименных местоимений в позднелатинских текстах нельзя рассматривать как артиклевую функцию В памятниках поздней латыни избыточность анафор сопряжена, очевидно, с задачей обеспечения связности повествования и фиксации внимания адресата на том или ином лице либо предмете Здесь проявляется некоторая беспомощность недостаточно опытного автора перед задачей создания пространный письменного текста

Второй сферой функционирования приименного *ille* в позднелатинских текстах является определение к antecedentu относительного придаточного предложения Например, в поздней латыни

11) *Beatus ille servus quem veniens dominus eius inveniet sic facientem* (Itala, Matth XX-IV, 46) 'Блажен тот раб, которого господин, вернувшись, застанет поступающим та ким образом'

12) *Regi suggestit quod illam parentem Francorum quam regnam habuerat non dibuisit umiliare* (Fr Sch IV, 71) 'Королю внушил, что ту родственницу франков, которая была раньше его супругой, он не должен унижать'

В этом употреблении указательного местоимения также нельзя усматривать что-либо от определенного протоартикла, потому что как в классической, так и в архаической латыни antecedent относительного придаточного нередко сопровождается приименным указательным местоимением Например

13) *Et de illo vulnere quod ille in capite ab hostium duce acceperat, multa dixit* (Cic In Verг Act II, V, I, 3) 'И о той ране в голову, которую ему нанес вражеский военачальник, много говорил'

14) *Tibicinatam illam tuus quam gnatus deperit circumducam* (Pl Pseud, 528–529) 'Ты флейтистку, по которой томится твой сын, я похищу'

Аналогичные конструкции с приименными указательными детерминативами тоже широко употребительны и в современных романских языках Например

15) *J'eus l'impression de n' être pas grand-chose face à cet homme qui se demandait comment je pouvais bien tuer mes dimanches* (Daninos Un certain m Bl, 195) 'У меня создается впечатление, что я был никчемем перед лицом этого человека, который спрашивал себя, на что я мог тратить время по воскресеньям'

16) *Entraron en esa época de la vida, en que el cielo ofrece sonrias* (Valdés, José 48) 'Они вступили в этот период жизни, в котором небо дарит улыбки'

17) *Prima di avviarsi giù in cantina con quel suo passo duro che risuona sugli scalini* (Mogavia R R, 27) 'Прежде чем направиться вниз в погреб тем своим тяжелым шагом, который раздается на ступенях'

Таким образом, есть все основания заключить, что в своих наиболее распространенных функциях позднелатинское *ille* еще ничем принципиально не отличается от приименных употреблений указательных местоимений в архаической латыни или в будущих романских языках Исключение представляет лишь текст пародии на "Салическую правду", датируемый концом VIII в, в котором Е В Андреева обнаружила 2 примера на ассоциативную анафорическую связь, выраженную с помощью усеченных форм *ille*, уже подвергнувшихся аферезису *lo cabo* и *los potonus* [Андреева 1999 3–5]

Иначе обстоит в латыни с протоартиклем неопределенности, т е с выражением неиндивидуализированного представления о предмете/лице

Как известно, в сфере местоимений грамматическое значение неопределенности существует в трех ипостасях [Падучева 1985 91–93] Это, во-первых, слабая определенность, при которой предмет (лицо) известен говорящему, но предполагается неизвестным слушающему Подобная грамматическая семантика может быть передана в русском языке числительным "один" Например, *Встретился я вчера с одним приятелем* Во-вторых, это собственно неопределенность, или специфическая неопределенность, при которой предмет (лицо) неизвестен ни адресату, ни субъекту речи Например *Мой приятель был вчера в каком то клубе* В-третьих, это неспецифическая неопределенность, при которой фиксированный референт в реальной ситуации вообще отсутствует Например, *Мой приятель ищет какую-нибудь работу*

Неопределенному артиклю в целом присуще выражение неиндивидуализированного к моменту речи представления о предмете (лице), т е введение названия предмета (лица) в речь в первом предъявлении, при этом реализуемая информативная функция обозначения нового может быть коммуникативной ремой, которая выделяется субъектом речи, поскольку играет важную роль в дальнейшем развитии текста Именно это позволило Г Гийому характеризовать неопределенный артикль как "aг ticle de relief" [Guillaume 1919 204], а В Г Гаку представить богатый спектр русских эквивалентов коммуникативно выделительного артикля [Гак 1989 112–117] Вместе с тем необходимо иметь в виду, что в отличие от неопределенной семантики местоимений, неопределенный артикль обладает в своем грамматическом регистре таким значением, которое не сводимо ни к русским "один", "какой-то", "какой-нибудь", ни к каким-либо другим языковым средствам Если рельефное употребление неопределенного артикля связано с дальнейшим развитием информации в задаваемом ключе в так называемом "правом" контексте, то максимально грамматизированное и стилистически нейтральное содержание неопределенного артикля состоит лишь в обозначении отсутствия связи между представлением о предмете (лице) и левым контекстом, т е отсутствия предупоминания Никакого особого выделения предмета (лица) при этом не происходит Показательно сопоставление неопределенных артиклей в следующих примерах

18) *Seul le docteur Svenson posait parfois sur son gendre un regard incertain – mais c'était son habitude. Une éternelle question planait dans ses yeux pâles. Alors Jo disait: "Tu poses un diagnostic?"* (М.–J., Allegra, 33) «Только доктор Свенсон иногда устремлял на своего зятя какой-то неясный взгляд – но это было его привычкой. В его светлых глазах был своего рода вечный вопрос. Тогда Джо говорила: "Ты ставишь (какой-нибудь) диагноз?"».

Здесь каждое из употреблений неопределенного артикля может быть интерпретировано как выделительное и, соответственно, тем или иным образом отражено в переводе. Это невозможно в следующих примерах:

19) *...Elle enfila sa robe neuve... puis un manteau à collet. Enfin elle noua sous son menton les rubans de la capote* (Duham. Le not., 43) «...Она надела свое новое платье, потом пальто с поднятым воротником. Наконец она завязала под подбородком ленты от шляпки».

20) *Elle alluma une cigarette et s'accroupit devant le feu* (Mauriac, La fin., 24) «Она зажгла сигарету и присела на корточках перед огнем».

Аналогичны следующие сопоставления на испанском материале:

21) *Se trataba de una carta cuya fecha era de diez días atrás* (Gisbert, Los espejos., 26) «Речь шла о каком-то (об одном) письме, написанном десять дней тому назад».

22) *Estaba sentada en un banco, lejos del mostrador* (Gisbert, Los espejos., 7) «Она сидела на скамье, далеко от прилавка»;

ср. итальянские примеры:

23) *Gli ritorno in mente un verso che aveva letto per caso in una libreria di Parigi, sfogliando un volume di non sapeva più chi...* (Lampedusa, Il gatt., 22) «Ему пришло на ум одно стихотворение, которое он случайно прочел в одном из парижских книжных магазинов, перелистывая какой-то том, он уже не помнил какого автора...».

24) *...Dopo una breve attesa un servo grattava alla porta e si era ammessi alla Presenza Augusta* (Lampedusa, Il gatt., 14) «...После недолгого ожидания слуга слегка скребся в дверь, и совершался допуск к августейшему лицу».

Итак, вершиной грамматического абстрагирования неопределенного артикля является указание на отсутствие связи с левым контекстом наряду с отсутствием особой выделительной функции. Иными словами, объективно новая информация не выделяется самостоятельной субъектом речи ни как тема, ни как рема коммуникации¹.

Развитие романского неопределенного артикля из числительного, обозначающего понятие "один", констатируется в огромном количестве языков [Givón 1981: 35]. Естественно поставить вопрос о том, что именно предрасполагает числительное со значением "один" к превращению в неопределенный артикль.

"Один" представляет собой единицу счета, а счет предметов и предметных понятий возможен лишь при отвлечении от индивидуальных признаков. На этом основании можно заключить, что у числительных как класса слов наряду с отчетливым лексическим значением конкретного числа имеется базовая негативная грамматическая сема: отсутствие индивидуализации счисляемых предметных понятий. Особое место в ряду числительных занимает лексема "один", поскольку она в большей мере, чем какое-либо другое число способствует обособлению из класса. Как раз благодаря этому обособлению возникает у первично неиндивидуализированного предметного понятия возможность последующей индивидуализации. Также вследствие подобного обособления появляется у "unus" функция введения в речь нового предметного понятия.

Переход от числительного *unus* к неопределенному артиклю сопряжен с перераспределением сем по степени значимости. На первый план вместо количественной

¹ О дифференциации, с одной стороны, данного и нового как единиц объективной информации, с другой – темы и ремы как единиц субъективной фокусировки говорящим см., например [Daneš 1970: 132–146; Firbas 1966: 239–256].

лексической семьи выступает качественная грамматическая сема отсутствия индивидуализации представления о предмете в момент речи.

В функции неопределенного протоартикла, служащего рематическому выделению, *unus* изредка встречается уже в архаической латыни, выражая слабую определенность (т.е. неизвестность для адресата речи). При этом вводимое *unus* предметное понятие играет важную роль в последующей ситуации, т.е. существенно для развития правого контекста. Например:

25) *Ego accipiam te hodie lepide, ubi efficeris hoc opus. Lepido victo, vino, unguentis... Ibidem aderit una mulier lepida, tibi savia super savia quae det* (Pl., Pseud., 946–948) ‘Я тебя сегодня прекрасно угощу, когда ты это дело сделаешь. Прекрасной пищей, вином, благовониями... Там будет одна прекрасная женщина, которая станет тебе дарить поцелуи за поцелуями’.

26) *Sed est huic unus servus violentissimus qui ubi quemquam videt prope hasce aedeis adgredi, item ut de frumento anseres clamore absterret, abigit* (Pl., Truc., 251–254) ‘Но есть у него один очень грубый раб. Едва увидит он, как кто-нибудь из нас подходит к этому дому, прогоняет громкими криками, словно гусей от пшеницы’.

В примерах *una mulier lepida* и *unus servus violentissimus* отображают информативно новые предметные понятия, образующие коммуникативно выделенную рему, которая становится темой придаточного предложения.

Возможно использование *unus* в значении специфической неопределенности. Например:

27) – *Quid agis tu? – A foro incedo domum.*
– *Numquid processit ad forum hic hodie novi?.. – Unum vidi mortuum efferi foras* (Pl. Most., 998–1002)

‘Что ты делаешь? – Иду домой с форума. – И что же нового было сегодня на форуме? – Я видел, как выносили какого-то мертвеца’.

Разумеется, в архаической латыни протоартиклевые функции *unus* еще очень редки, далеки от регулярности. Господствует, как известно, употребление имен без каких-либо артиклеобразных сопроводителей. Например:

28) *Emit fidicinam filiam credens senex persuasu servi* (Pl. Ep., 1–2) ‘Купил флейтистку старик (= один старик, М.С), считая ее дочерью по внушению раба’.

29) *Leno me peregre militi Macedonio minis viginti vendidit* (Pl. Pseud., 51–52) ‘Сводник продал меня на чужбину (одному) македонскому воину за двадцать мин’.

В обследованных для данной работы памятниках классической латыни протоартиклевыми употреблений *unus* обнаружить не удалось. Это не означает, однако, что *unus* не продолжало развиваться как протоартикл в народной речи, потому что в позднелатинских текстах протоартиклевые функции *unus* обнаруживаются без труда. Например:

30) *Et accessit ad eum una ancilla dicens: Et tu cum Jesu Nazareno eras* (Itala, 26) «И подошла к нему одна (какая-то) служанка, говоря: “И ты был с Иисусом из Назарета”».

31) *Gundovaldus... legatus dirigit... Ex quibus unus abba Caturcinae urbis litteras quas acciperat cavatam codicis tabulam, sub cera recondidit* (Gr. Tur. VII, 30) ‘Гундовальд... отправил послов... Из которых один аббат города Кагора, вырезав в глубину деревянную дощечку, под воском спрятал письмо, которое ему было вручено’.

Как в примере № 30, так и в примере № 31 с помощью *unus* вводится в повествование новое лицо, играющее важную роль в дальнейшем развитии событий².

² А. Эрну и Фр. Тома отмечают у Цицерона такие артиклевые употребления *unus*: *sicut unus paterfamilias his de rebus loquor* ‘как глава семейства говорю об этих делах’ и *...tamquam unus manipularis* ‘словно рядовой воин’ (Ernout, Thomas 1953: 193). Соответствующее значение неопределенного артикля *un* в старофранцузском языке Е.В. Андреева определяет как типизирующее при обобщенном эталоне сравнения [Андреева 1998: 16]. Показательно, что в безартиклевым русском языке эта функция *unus* не имеет точного эквивалента. Развитие сугубо артиклевой семантики в латыни уже зашло далеко.

Новое предметное понятие оказывается существенным для дальнейшего развития информации в правом контексте. Поэтому в данном случае можно говорить о рельефности протоартикла *unus*, употребленного в значении слабой определенности и переводимого на русский язык числительным "один".

Встречаются в позднелатинских текстах употребления *unus* при существительных, обозначающих такие предметные понятия, которые не получают развития в правом контексте. В подобных случаях *unus* выражает только отсутствие предупоминания в левом контексте и не обладает особой выделительной функцией. Например

32) *Hic vero cum dedicisset quae meretrix ista commiserat, succensum vehementer balneum, eam in eodem cum una puella includi praecipit. Quae nec mora inter arduos vapores ingressa, in pavimento conruens, mortua est* (Gr Tur III, 31) 'Когда же он узнал, что совершила эта блудница, после того как была очень жарко натоплена баня, приказал ее со служанкой туда запереть. Когда же она вошла в раскаленные пары, рухнув на пол, умерла'

33) *Charoaldus rex, his mendatus auditis, credens, Gundobergam in Laumello castro in unam turrem exilio trudit* (Fr Sch, IV, 51) 'Король Хароальд, выслушав эти лживые наветы, поверив, отправил Гундебергу в крепость Лаумелло в башню в заточение'

Рассмотренные примеры из архаической и поздней латыни позволяют утверждать, что неопределенный протоартикл *unus* уже находит отражение в текстах соответствующих эпох, в то время как *ille*, чрезвычайно часто употребляемое, служит, как правило, когезии либо текста (при анафоре), либо сложноподчиненного предложения (при antecedente относительного придаточного) и не выступает еще в артиклевом значении ассоциативной анафоры.

Как справедливо указывает Р. Г. Пиотровский, имея в виду раннероманскую конкуренцию указательных *ipse* и *ille*, "кристаллизация в единой форме новой грамматической категории – артикла – предусматривала борьбу нескольких синонимических вариантов" [Пиотровский 1960 48]

Это положение вполне применимо к разветвляющейся в недрах латинского языка конкуренции числительного → неопределенного протоартикла *unus* и неопределенного местоимения → неопределенного протоартикла *quidam*. Исследователи отмечают, что местоимение *quidam* в функции определения к имени означало "некий", т. е. вводило предмет (лицо), которому говорящий не может или не хочет дать более точное определение. Тем самым, пользуясь современным метаязыком, можно сказать, что за приименным *quidam* признаются значения специфической неопределенности и слабой определенности. В научной литературе указывается также, что местоимению *quidam* в функции приименного определения свойственна наименьшая неопределенность среди всех неопределенных местоимений латинского языка, т. е. значение "un certain" [Hofmann 1965 194]. Иными словами, у *quidam* отмечается значение слабой определенности.

Приименное употребление *quidam* широко распространено в комедиях Плавта. Вероятно, исконным значением этого местоимения была специфическая неопределенность, отображавшая недостаточную информированность говорящего о том или ином предмете речи. Например

34) *Olet homo quidam* (Pl Amph, 321) 'Пахнет каким-то человеком'

35) *Hac nocte in somnis mea soror visa venisse Athenis in Ephesum cum suo amante quodam* (Pl M gl, 383–385) 'Этой ночью во сне приснилось, что моя сестра приехала из Афин в Эфес с каким-то своим возлюбленным'

Приименное *quidam* способствует функциональной субстантивации прилагательных. Например

36) – *Qua facie fuit?* – *Rufus quidam, ventriosus, acutus oculis* (Pl Pseud, 1217–1219) 'Какой он был внешности? – Какой-то рыжий, пузатый, с пронзительным взглядом' (дословно 'с острыми глазами')

В приведенных примерах речь идет о лицах, неопределенных для субъекта и для адресата речи. Реализуется специфическая неопределенность.

В следующих примерах говорящий хорошо осведомлен о предмете речи. Реализуется слабая определенность

37) *Amico dedi quidam operam dum emit unguenta* (Pl. Cas., 241) 'Я помог одному другу, в то время как он покупал мази'

38) *Senex est quidam qui illam mandavit mihi ut emerem* (Pl., Merc., 426) 'Есть один старик, который меня послал, чтобы я ее купил'

39) *Adolescens quidamst qui in hisce habitat aedibus Is rem paternam me adiutrice perdidit* (Pl. Trin., 12–13) 'Есть один юноша, который живет в этом доме. Он с моей помощью лишился отцовского имущества'

Во всех примерах *quidam* выделяет новое в повествовании, причем, как правило, лицо, играющее немалую роль в ситуации и дальнейшем развитии сюжета. В архаической латыни неопределенный протоартикл *quidam*, как и *unus*, используются преимущественно эмфатически, с целью особого выделения имени. Представляется не маловажным и то обстоятельство, что *quidam* и *unus* у Плавта вводят имена лиц, с которыми, естественно, связаны представления об активном начале в мире и которые столь же естественно оказываются в центре внимания зрителей, слушателей читателя.

Существование *unus* и *quidam* в архаической латыни в функциях слабой определенности и специфической неопределенности свидетельствует о возникновении новых единиц плана содержания, которые "ищут" для себя адекватные средства выражения.

Следует отметить, что в значении неспецифической неопределенности ("какой-нибудь") ни *quidam*, ни *unus* не встретились в латинских текстах. Эта семантическая зона, очевидно, была подвластна только неопределенным местоимениям.

В позднелатинских текстах неопределенный протоартикл *quidam* чрезвычайно распространен. По видимому, будучи по происхождению местоимением, широко употребительным в классической латыни, он не воспринимается как элемент просторечия. Неопределенный протоартикл *quidam* по-прежнему может выражать изначально присущее ему значение специфической неопределенности. Например

40) *Ponentes ad fenestram absidae cancellum quod super tumulum cuiusdam defuncti erat, ascendentes per eum effracta vitrea sunt ingressi* (Gr. Tur., VI, 10) 'Приставив к окну абсиды решетку, которая была на могиле какого-то покойника, поднявшись по ней разбив стекла, вошли'

41) *Parte fame parte morbo quadam plagis caelestibus finiuntur* (Fr. Sch., II, 53) 'От части от голода, отчасти от какой-то болезни вследствие небесных кар погибли'

Обращают на себя внимание частые морфологические ошибки при согласовании *quidam* с определяемым именем (например, *morbo quadam*), характерные для текста Фредегария. Это позволяет предположить, что в устной речи для передачи неопределенности использовалась больше иная форма, по всей вероятности, *unus*, а *quidam* сохранялось преимущественно в письменной речи позднелатинского периода.

Особенно широко используется *quidam* в значении слабой определенности для введения в повествование нового лица, играющего важную роль в развитии событий. Например

42) *Cum sero autem factum esset venit quidam homo ab Arimathia nomine Joseph* (Itala, M., XXVII, 57) 'Когда же стемнело, пришел из Аримафеи один человек по имени Иосиф'

43) *Infirmatus est quidam senum, et cum non posset sumere cibum multis diebus rogabatur a discipulo suo ut fieret ei aliquid* (V P., I, V, 4, 59) 'Заболел один старец, и после того как много дней не мог принимать пищу, попросил своего ученика что-нибудь ему приготовить'

44) *Unde factum est ut puella quaedam religiosa, quae Deo omnipotenti inreprehensibiliter serviebat, ad hac quaestionem adduceretur* (Gr. Tur., II, 3) 'Затем случилось так, что одна девушка монахиня, которая всемогущему Богу безупречно служила, была приведена на этот допрос'

В функционировании *quidam* в позднелатинских текстах наблюдается та же особенность, что выше была отмечена у протоартикла *unus*, и которая не обнаруживается в архаической латыни. Это употребление перед именем, обусловленное только отсутствием какого-либо упоминания в левом контексте, т. е. именем, несущим новую информацию, но не выделяемым ни в качестве темы, ни в качестве ремы. Наиболее обычны такие употребления *quidam* в начале предложения перед именем в роли обстоятельства места или времени, открывающим новый фон дальнейших событий. Например

45) *Quadam die dominica postquam diaconus silentiam populi indixit, rex conversus ad populum dixit* (Gr Tur, VII, 8) 'В один воскресный день, после того как диакон призвал людей (дословно "народы") к молчанию, король, обратившись к народу, сказал'

46) *Quadam nocte homo pauperculus crapulatus a vino, in angulo basilicae beati Petri apostoli obdormivit* (Gr Tur, II, 3) 'Однажды ночью сильно замелевший от вина бедняк заснул в углу базилики блаженного апостола Петра'

47) *Cum meridae sub quasdam arboris in pomario senior Antonia cum Iustiniano discussisset* (Fr Sch, II, 62) 'Когда в полдень под деревьями во фруктовом саду старшая Антония возлежала с Юстинианом'

Изложенные наблюдения позволяют заключить, что романский неопределенный протоартикл возник в латинском языке и стал проникать в письменные памятники намного раньше, чем протоартикл определенности. Данное положение имеет как фактические, так и теоретические обоснования.

1. Спорадическое использование уже в архаической латыни *quidam* и *unus* в функции неопределенного протоартикла свидетельствует о наличии потребности выразить единицу содержательного плана, за которой еще не закрепились специализированная форма. В архаической латыни имеются употребления *unus*, в которых качественная грамматическая сема отсутствия индивидуализации выступила на первый план. В отличие как от *ille*, так и от *quidam* в архаической и в поздней латыни *unus* употребляется неизменно в контактной препозиции к имени, при этом реализуется основной будущий романский принцип оформления именной синтагмы.

2. Что касается соотносительной частоты употребления определенного и неопределенного артиклей, то количественное преобладание определенного артикла над неопределенным с неизбежностью вытекает из грамматического значения данных единиц, в связи с которым, по мысли С. Д. Кацнельсона, "при помощи неопределенного артикла совершается первичное знакомство с предметом. Всякое дальнейшее упоминание обязательно сопровождается определенным артиклем. Он занимает все дистрибутивное пространство, не занятое неопределенным артиклем" [Кацнельсон 1972: 38].

3. Этимон неопределенного протоартикла *unus* проходит менее сложный путь семантической эволюции, чем этимон определенного артикла *ille*. *Unus* легко и естественно как бы соскальзывает от числительного к протоартиклю, ведь обе семы (количественная и качественная) продолжают сосуществовать, только меняются местами. Этот процесс настолько незаметен, что лишь во второй половине XVII в. грамматисты Пор-Рояля стали называть *un, une* неопределенным артиклем [Власов 1998: 55].

4. В отличие от *unus* латинскому указательному местоимению *ille* предстояло пройти значительно более сложный путь семантической эволюции, чтобы стать протоартиклем. Исходное значение действительного *ille* – указание на предмет/лицо, находящиеся за пространственными пределами речевой ситуации. Между тем содержание определенного артикла состоит в обозначении индивидуализированного представления о предмете/лице, сформировавшегося до момента речи, иными словами, в ассоциативной анафоре. Тем самым определенный артикл выражает временное предшествование представления самому акту речи. Пространственная отдаленность конкрет

ных предметов переосмыслилась, превратившись во временную последовательность представлений

5 Поскольку грамматическое значение неопределенного артикля сопряжено с первичным предъявлением предмета/лица в речи, т е содержит объективно новую для адресата информацию, вполне естественно, что коммуникативно-прагматический фактор обусловил в первую очередь спорадическое возникновение протоартикла неопределенности Грамматическое абстрагирование протоартикла неопределенности развивалось от "нового", значимого для поступательной информации в правом контексте, к 'новому', отсутствовавшему ранее в левом контексте Как коммуникативно отмеченная, так и коммуникативно нейтральная функция неопределенного артикля сохраняются в современных романских языках

6 Сосуществование двух протоартиклей неопределенности (*unus* и *quidam*) в латыни есть проявление закономерного диахронического соотношения содержания и формы в языке Потребность выражения новой мыслительной единицы проявлялась в 'поиске наиболее адекватного языкового средства

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева 1998 – *Е В Андреева* К вопросу о функциях артикля *un* в старофранцузском языке // Материалы XXVII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов Вып 7 СПб , 1998
- Андреева 1999 – *Е В Андреева* Об одном позднелатинском тексте в связи с проблемой романского артикля // Индоевропейское языкознание и классическая филология III Чтения памяти И М Тронского СПб , 1999
- Бородина 1965 – *М А Бородина* Историческая морфология французского языка (на французском языке) М , Л 1965
- Боронникова, Левицкий 1999 – *Н В Боронникова Ю А Левицкий* Артикль Вопросы теории и типологии Пермь 1999
- Власов 1998 – *С В Власов* Проблема неопределенного артикля во французских грамматиках XVI–XVII вв // Материалы XXVII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов Вып 7 Секция грамматики Секция истории языка СПб , 1998
- Гак 1989 – *В Г Гак* Сравнительная типология французского и русского языков М , 1989
- Доза 1956 – *А Доза* История французского языка М 1956
- Кацнельсон 1972 – *С Д Кацнельсон* Типология языка и речевое мышление Л , 1972
- Падучева 1985 – *Е В Падучева* Высказывание и его соотношенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений) М , 1985
- Пиотровский 1960 – *Р Г Пиотровский* Формирование артикля в романских языках М , Л , 1960
- Ройзенблит 1954 – *Е О Ройзенблит* К вопросу истории развития определенного и неопределенного артиклей во французском языке Автореф дис канд филол наук М , 1954
- Скрелина 1971 – *Л М Скрелина* История французского языка (на французском языке) Л 1971
- Шигаревская 1974 – *Н А Шигаревская* История французского языка (на французском языке) Л 1974
- Alonso 1967 – *A Alonso* Estudios linguisticos Temas españoles Madrid 1967
- Brunot 1905 – *F Brunot* Histoire de la langue française des origines a nos jours I Paris, 1905
- Brunot 1906 – *F Brunot* Histoire de la langue française des origines a nos jours II Paris, 1906
- Corblin 1983 – *Fr Corblin* Défini et démonstratif dans la reprise immédiate // Le français moderne 1983 № 2
- Daneš 1970 – *Fr Daneš* One instance of Prague School methodology functional analysis of utterance and text // Method and theory in linguistics The Hague, Paris, 1970
- Ernout, Thomas 1953 – *A Ernout Fr Thomas* Syntaxe latine Paris, 1953
- Firbas 1966 – *J Firbas* Non-thematic subject in contemporary English // Travaux linguistiques de Prague 2 1966
- Hofmann 1965 – *J B Hofmann* Lateinische Syntax und Stilistik Munchen 1965
- Guillaume 1919 – *G Guillaume* Le probleme de l'article et sa solution dans la langue française Paris, 1919

- Guillaume 1969 – *G Guillaume* Langage et science du langage Paris, Quebec, 1969
 Givón 1981 – *T Givón* On the development of the numeral “one” as an indefinite marker // *Folia linguistica historica Acta societatis linguisticae europaeae* II № 1 1981
 Kleiber 1990 – *G Kleiber* Sur l’anaphore associative article défini et adjectif démonstratif // *Rivista di linguistica* 2, № 1 1990
 Menendez Pidal 1977 – *R Menendez Pidal* Manual de gramática histórica española Madrid, 1977
 Rohlfs 1968 – *G Rohlfs* Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti *Morfologia* Turino, 1968

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ

- Beauvoir S de* Mémoires d’une jeune fille rangée Paris, 1958
Cicero M Tullius // *L Catilinam Oratio prima* M, 1947
Cicero M Tullius // *C Verrem Actionis secundae liber V* M, 1947
Daninos P Les carnets du major Thompson Paris, 1960
Duhamel G Le notaire du Havre Paris, 1933
Fredegaru Scholastici libri IV cum continuationibus // *Monumenta Germaniae Historicae* Bd 2 Hannover, 1889
Gisbert J M Los espejos venecianos Zaragoza, 1994
Gregori Turonensis Historiarum libri decem Bd 1–2 Berlin, 1967
Itala Das Neue testament in Altlateinischer Überlieferung Berlin, 1938
Lampedusa T di Il gattopardo Milano, 1966
Mallet-Joris Fr *Allegra* Moscou, 1985
Mauriac Fr La fin de la nuit Paris, 1935
Moravia A Racconti romani Mosca, 1969
Plautus Amphitruo // *T Macci Plauti Comoediae* Bd I Lipsiae, 1893
Plautus Casina Lipsiae, 1893
Plautus Epidicus Lipsiae 1893
Plautus Miles gloriosus Lipsiae, 1893
Plautus Mostellaria // *T Macci Plauti Comoediae* Bd II Lipsiae, 1896
Plautus Pseudolus Lipsiae, 1896
Plautus Trinummus Lipsiae, 1896
Plautus Truculentus Lipsiae, 1896
Sallustius C Coniuratio Catilinae M, 1947
Titu Livii Ab urbe condita Liber XXI M, 1948
Vitae Patrum sive Historiae Eremiticae libri decem // I Jordan *Crestomație Romanica* T I București, 1962
Valdes A P José Madrid, 1982